

**Лексема *kalmu / kalma / kalm*
в языковой картине мира карелов**

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящем исследовании автор обращается к рассмотрению функционирования танатического архетипа в языковой картине мира карельского народа. В качестве ядерной выбрана лексема, представленная в диалектах карельского языка тремя фонетическими вариантами: *kalmu*, *kalma* (ливвиковское наречие, собственно карельское наречие), *kalm* (людиковское наречие). На этом материале в статье дан компаративный анализ языкового и культурного контактирования карельского народа с вепсами и финнами (близкородственных карелам этносам), в результате которого выявлены лингвокультурологические связи.

Цель: определить роль лексем *kalmu / kalma / kalm* в формировании языковой картины мира карелов.

Материалы исследования: словари карельского языка (диалектные и топонимические), образцы карельской речи (представлены в издании *Vienan kansa muistele* ‘Беломорские карелы вспоминают’), фольклорные тексты.

Результаты и научная новизна. Научная новизна данного исследования определена впервые проведённым комплексным анализом полисемантического наименования *kalmu / kalma / kalm* в языковой картине мира карелов. Всего рассмотрено более 50 диалектизмов. В результате выявлено, что первичное немотивированное значение рассматриваемой номинации ‘могила’ распространено во всех прибалтийско-финских языках и широко функционирует при образовании сложных двухсоставных и деноминальных лексем. Диалектные варианты рассматриваемого наименования – *kalma*, *kalmoi* – с семантикой ‘кладбище’ являются композитами ряда сложных и деноминальных именований, номинирующих термины, связанные с собственно погребальной обрядностью. В семантике анализируемой леммы ‘болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища; смертельная болезнь’ выявлено олицетворение недуга. Данное наименование является композитом двухсоставных лексем, обозначающих различные заболевания, которые, согласно мифологическим представлениям и верованиям карелов, насылались на человека силами смерти, а также используется для номинации этих сил.

Научное значение проведённого исследования видится в расширении представлений и знаний о лексическом строе карельского языка и языковой картине мира карелов. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов в исследованиях, посвящённых лексикологии, этнолингвистике, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, а также в лекционно-практических курсах по карельскому языку.

Ключевые слова: лексема *kalmu / kalma / kalm*, диалектизмы, карельский язык, семантико-мотивационный анализ, этимология, словообразование, прибалтийско-финские языки

Для цитирования: Пашкова Т. В. Лексема *kalmu / kalma / kalm* в языковой картине мира карелов // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2. С. 310–318.

**The lexeme *kalmu / kalma / kalm* in the linguistic picture
of the world of the Karelian peoples**

T. V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: in the presented scientific research, the author turns to the consideration of the functioning of the thanatic archetype in the linguistic picture of the world of the Karelian peoples. As a nuclear lexeme, presented in the dialects of the Karelian language by three phonetic variants was chosen *kalmu*, *kalma* (Livvi dialect, proper Karelian dialect), *kalm* (Ludik dialect). Based on the material, the article provides the comparative analysis of the linguistic and cultural contacts of the Karelian people with the Vepsians and Finns (ethnic groups closely related to the Karelians), as a result of which linguacultural connections were revealed.

Objective: to determine the role of the lexeme *kalmu / kalma / kalm* in the formation of the linguistic picture of the Karelian world.

Research materials: dictionaries of the Karelian language (dialect and toponymic), samples of Karelian speech, folklore texts.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of this study is determined by the first comprehensive analysis of the polysemantic name *kalmu / kalma / kalm* in the linguistic picture of the Karelian world. In total, more than 50 dialectisms are considered. As a result, it was revealed that the primary unmotivated meaning of the name in question, 'grave', is widespread in all Baltic-Finnic languages and widely functions in the formation of complex two-part and denominal lexemes. Dialectal variants of the name in question – *kalma, kalmoi* – with the semantics of 'cemetery' are composites of a number of complex and denominal names nominating terms associated with the actual funeral rite. In the semantics of the analyzed lemma, 'a disease that was believed to stick from a deceased person or a cemetery; a fatal disease', the personification of an affliction was revealed. This name is a composite of two-component lexemes denoting various diseases which, according to the mythological ideas and beliefs of the Karelians, were sent to a person by the forces of death, and is also used to nominate these forces. The scientific significance of the study is seen in expanding the understanding and knowledge of the lexical structure of the Karelian language and the linguistic picture of the world of the Karelians. The practical significance is determined by the possibility of applying the obtained results in studies devoted to lexicology, ethnolinguistics, cognitive linguistics and linguacultural studies, as well as in lecture and practical courses on the Karelian language.

Key words: lexeme *kalmu / kalma / kalm*, dialectisms, Karelian language, semantic and motivational analysis, etymology, word formation, Baltic-Finnic languages

For citation: Pashkova T. V. The lexeme *kalmu / kalma / kalm* in the linguistic picture of the world of the Karelian peoples // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (2/61): 310–318.*

Введение

Обряды жизненного цикла и лексика, связанная с ними, несомненно, вызывает большой интерес у этнологов, этнографов, лингвистов и фольклористов. Одним из важных обрядов у карелов является погребально-поминальный, содержащий ценную информацию о культуре, обычаях, национальной самобытности и языке этноса. Лексический состав является важной частью не только языковой специфики, но и национально-культурного компонента. Особого внимания заслуживают мифологемы, содержащие в себе языковой и культурный код. К одному из таких архетипов относится карелоязычная полисемантическая лемма *kalmu / kalma / kalm* с переносным значением 'болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища'.

Поставленная цель предполагает решение ряда задач: анализ семантического спектра лексических единиц с компонентом *kalma-* с опорой на опубликованные лексикографические источники (диалектные словари карельского языка и образцы карельской речи); проведение словообразовательного и этимологического анализа собранного языкового материала, выявление его этнолингвистических особенностей, а также специфика на фоне других прибалтийско-финских языков.

Актуальность исследования определена активизацией интереса к языку и культуре миноритарных этносов на протяжении последних десятилетий, а также с активизацией интереса к ученым к проблеме воплощения в языке мировоззрения народа.

На сегодняшний день более детально изучены этиология и способы лечения заболевания *kalmu / kalma / kalm* у карелов. К данной проблематике обращались Л. И. Иванова, Т. В. Пашкова, О. Н. Даншова, С. Паулахарью [2; 3; 4; 10; 12; 29]. Монографии Л. И. Ивановой [3; 4] посвящены персонажам карельской мифологической прозы: хозяину бани, лешему, водяному, плачье и некоторым другим образам, которые могли насылать на человека недуги. Автор рассматривает и *kalmu*: способы её лечения, симптоматику недуга и пр. На прогностике, мифологических воззрениях и народном целительстве заболеваний, причиной которых, согласно верованиям карелов, является *kalma* сфокусировано внимание С. Паулахарью [29] и Т. В. Пашковой [12]. О некоторых поверьях, связанных с возникновением у человека болезни *калма*, упоминается в статье О. Н. Даншовой [2].

Мифологические представления о данном недуге у карелов, вепсов и финнов, а также происхождение некоторых именовании болезней, компонентом которых является лексема *kalma-* рассматривал К. Астед [22]. Вопрос интерпретации болезни *kalmannenä* 'болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища' затрагивает в своей научной статье Т. В. Пашкова [10]. В некоторых финноязычных энциклопедических изданиях упоминается концепт *kalma / kalmu* с точки зрения лингвокультурологии [25; 30].

Материалы и методы

При проведении данного исследования использовался обширный теоретико-методологический ряд научных трудов отечественных и

зарубежных исследователей [1; 6; 14; 22; 27] и др. Источниковой базой послужили различные карелоязычные лексикографические (образцы речи, диалектные словари) издания, фольклорные тексты, фразеологические словари [5; 17; 18; 19; 20; 26; 28; 34].

Исследование проводилось на извлечённом из опубликованных лексикографических источников материале методом сплошной выборки с применением процедур словообразовательного, семантико-мотивационного, этнолингвистического, компаративного, этимологического анализа.

Результаты

Калма (кар. *kalmu* / *kalma* / *kalm*) в карельских и финских поверьях – воплощение смерти, вредоносная сила, исходящая от покойников, могилы и кладбища [13, 121–122]. Полисемантическая лексема *kalmu* / *kalma* / *kalm* распространена во всех наречиях карельского языка в следующих значениях: (ск., ливв., люд.) 1) могила; (ск., ливв.) 2) кладбище; 3) смерть; 4) болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища; 5) духи умерших (калман вяки, кладбищенские вяки, вяки мёртвых) [13, 122; 26, II, 35; 28, 104]; (ск.) 6) смертельная болезнь [18, 85; 19, 176].

Согласно данным этимологического словаря финского языка, с семантикой ‘могила’ анализируемое наименование функционирует во всех прибалтийско-финских языках: (вод.) *kalma*, (вепс.) *kaum*, (эст.) *kalm*, (лив.) *kalma* (ср. также (морд.) *kalmo* ‘могила’) [24, 331]. Относительно происхождения данного слова мнения этимологов расходятся: с одной стороны, его считают прибалтийско-финским наследием, с другой – есть указания на вероятное заимствование из прагерманского (ср. **skalman-*, *schelme* ‘смерть, чума, труп, умерший’) [31, I, 288].

Первичное (немотивированное) значение именований *kalmu* / *kalma* / *kalm* ‘могила’ активно используется в композитной лексике, номинирующей атрибуты похоронной обрядности:

kalmahauta / *kalmahauda* (ск.) / *kalmuhaudu* (ливв.) ‘могила’ (букв.: *kalma* / *kalmu* ‘могила’ + *hauta* / *haudu* ‘яма’) [19, 176; 26, 36];

kalmalauta / *kalmalauda* (ск.), *kalmulaudu* (ливв.) ‘гроб, гробовая доска; доска, которую устанавливают на могиле’ (букв.: *kalma* / *kalmu* ‘могила’ + *lauta* / *lauda* / *laudu* ‘доска’) [17, 120; 18, 85; 19, 176];

kalmankaivaja (ск.), *kalmankaivai* / *kalmankaivaju* (ливв.) ‘копальщик могилы’ (букв.: *kalman* ‘могилы’ + *kaivaja* / *kaivai* / *kaivaju* ‘копающий’) [26, II, 36];

kalmamparras (ливв.) ‘край могилы, могила’ (букв.: *kalman* ‘могилы’ + *parras* ‘ступень’) [17, 121].

Для обозначения могилы в собственно карельском и ливвиковском наречиях карельского языка используются отсубстантивные именованные *kalmaine* (ливв.) / *kalman'e* / *kalman'i* (ск.) ‘могилка’ [17, 120; 18, 85; 26, II, 36], образованные посредством диминутивных суффиксов *-ine* / *-n'e* / *-n'i*, бытующих в соответствии с ареальными фонетическими особенностями того или иного диалекта, от производящей основы *kalma-*.

От производящей основы рассматриваемой леммы *kalma-* с использованием различных суффиксов образован достаточно обширный ряд именований с семантикой ‘кладбище’ и ‘покойник’:

– *kalmoi* (ливв.) ‘кладбище; могила’ [17, 120]. При словообразовании используется диминутивный формант *-oi*, в котором прослеживается, вероятно, суффиксальная омонимия: суффикс *-oi* приобрёл новое значение субъективной оценки (ср., напр., в русском языке суффикс *-ин*, который может использоваться при обозначении ‘единичности или маленького предмета’ → *горошина* и ‘большого предмета’ → *домина*);

– *kalmizikko* / *kalmažikko* / *kalmužikko* (ливв.) ‘кладбище’ [17, 120; 26, II, 36]. При образовании лексем используется коллективный суффикс *-žikko* [21, 9];

– *kalmisto* / *kalmišto* (ливв.) ‘кладбище’ [26, II, 36]. Именования образованы посредством аффикса *-isto* / *-išto* с коллективным значением [21, 9];

– *kalmoites* (ливв., ск.) ‘кладбище’ [26, II, 36]. Образовано путём присоединения суффикса *-oites*, выражающего действие, предмет [21, 5];

– *kalmiso* / *kalmizo* (ск., ливв.) ‘кладбище’ [26, II, 36]. При образовании использовался аффикс *-iso* / *-izo* [21, 5];

– *kalmisoma* / *kalmažima* / *kalmožimo* / *kalmužin* / *kalmožin* / *kalmužimu* / *kalmužmu* / *kalmužem* (см. полный список [5, 57]) (ск., ливв.) ‘кладбище’ [17, 120; 26, II, 36]. При словообразовании именований присоединяются суффиксы *–žin* / *-sin* [21, 23; 23, 126];

– *kalmalain'i / kalmalaine* (ск., ливв.) ‘покойник’. К производящей основе добавляется аффикс *-lain'i / -laine* (суффиксы, посредством которых образуются названия живых и мифических существ, а также субъектов, принадлежащих какому-либо роду деятельности, места жительства, национальности) [19, 176; 26, II, 36; 32, 104].

Производные от основы *kalma-* наименования, обозначающие ‘кладбище’, активно бытуют в топонимии (точнее сказать, в народной географической терминологии) разных говоров карельского языка (напр., гора *Kalmismuantermä*, кладбище *Kalmieniemi*, мыс *Kalmismuanniemi*, пролив *Kalmismuanšalmi*, угодье *Kalmizpeldo*, тоня *Kalmizmuanhauuda*, озеро *Kalmazjärvi*, бор *Kalmistonkangas* и др. (см. полный список [5, 57]).

Карелоязычные диалектизмы *kalma*, *kalmoi* с семантикой ‘кладбище’ являются композитами ряда сложных и деноминальных именовании, номинирующих термины, связанные с собственно погребальной обрядностью. Примечательно, что в значении лексемы *kalmu / kalma / kalm* ‘кладбище’ определяется метонимия (синекдоха), перенос части (*kalma* ‘могила’) на целое (*kalma* ‘кладбище’). Рассмотрим терминологию:

– *kalmoilaudu* (ливв.) ‘гробовая доска, которую устанавливают на кладбище’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *laud* ‘доска’) [26, II, 37];

– *kalmoilaudazet* (ливв.) ‘могильные досочки; доска, которую кладут на свежую могилу, может обозначать и гробовые доски’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *laudazet* ‘досочка’) [20, 164];

– *kalmoimuahud* (ливв.) ‘кладбище’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *muahud* ‘землица’) [26, II, 37];

– *kalmoipiirai / kalmoipiirona* (ливв., ск.) ‘пирог, который относят на кладбище в поминальный день’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *piirai / piirona* ‘пирог’) [17, 121; 26, II, 37];

– *kalmoipäivä / kalmoipäivü* (ливв., ск.) ‘поминальный день умерших’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *päivä / päivü* ‘день’) [26, II, 37];

– *kalmoisuurukset* (ливв.) ‘еда, которую относят на кладбище в поминальный день умерших’ (букв.: *kalmoi* ‘кладбище’ + *suurukset* ‘крупинки, крошки’) [26, II, 37].

Аффиксальная номинация прослеживается в ливвиковских наименованиях *kalmoillizet* ‘поминки; угощение, принесённое на могилу

в знак памяти’ [17, 122] и *kalmoiniekk* (ливв.) ‘человек, посещающий кладбище’ [26, II, 37]. Оба слова образованы от существительного *kalmoi* ‘кладбище’ с помощью суффиксов *-line* (как правило, суффикс используется при словообразовании прилагательных или субстантивированных прилагательных) и *-niekk* (суффикс, посредством которого образуются существительные со значением рода занятий, специальности, профессии, положения) [23, 176; 32, 124].

В семантике леммы *kalmu / kalma* ‘болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища; смертельная болезнь’ представляется возможным выявить одну из разновидностей метафоры: олицетворение / персонификацию недуга. Данное наименование является композитом двухсоставных лексем, обозначающих различные заболевания, которые, согласно мифологическим представлениям и верованиям карелов, насылались на человека силами смерти, а также используется для номинации этих сил:

– *kalmanviga* (ливв.) [26, VI, 622] (букв.: *kalman* ‘смерти / смертельной болезни’ + *viga* ‘хворь, недуг’). Слово *viga* относится к древним прибалтийско-финским названиям, которые адаптировались в карельском языке. Оно многозначно: в тверском говоре, сямозерском и суоярвском диалектах карельского языка распространено с семантикой ‘хворь, недуг’ [26, VI, 622]; в диалектах ливвиковского наречия карельского языка, а также в вепском и эстонском языках слово *viga* ‘изъян, недостаток, дефект’, т. е. указывает на результат действия заболевания [31, III, 446]; в ливвиковском наречии карельского языка и вепском языке лемма *viga* ‘причина, вина’; эстонском языке – ‘ошибка, погрешность’. Таким образом, в прибалтийско-финском именовании *viga* отражены представления о причинах появления болезни у человека, к которым относятся, в первую очередь, нарушения им каких-то запретов, какой-то вине, прегрешении;

– *kalmanhiimosti* (ск.) [26, II, 37] (букв.: *kalman* ‘смерти / смертельной болезни’ + *hiimosti* ‘душевно-психическое заболевание, вызванное испугом’). В диалектных словарях карельского языка именование *hiimosti* представлено достаточно широко как отдельная лексическая единица, так и в качестве компонента в составе сложных имён существительных. Целый ряд

значений рассматриваемой лексемы указан в словаре Т. Вуорела *Kansanperinteen sanakirja* 'Словарь народной культуры': 1) заболевание, напоминающее болезнь нервной системы, которое приставало к человеку от могилы, воды, леса или ветра; 2) продолжительный страх; 3) страх, боязнь, возникший, особенно в том случае, если, посмотрев на труп, сильно испугался; 4) естественная плохая склонность к чему-либо; 5) изъясн крови (другими словами, плохая кровь); 6) сильное желание; 7) симптом; 8) привычка [35, 132]. В словаре финских народных верований (*Suomalaisen kansanuskon sanakirja*) трактовка наименования *hiimosti* даётся следующим образом: '... карельское название болезни, происходящей от страха перед «болезнью, которая, согласно поверьям, могла пристать от могилы, покойника и др.» (т. е. от того, что имело отношение к смерти, например, от нахождения вблизи умершего человека), или от воды, леса или ветра. Её симптомами считались слабость (бессилие) и расстройство нервной системы' [30, 58]. (подробнее о лексеме *hiimosti* см. [8]);

– *kalmannenä* (ск., ливв.) [26, II, 37] (букв.: *kalman* 'смерти / смертельной болезни' + *nenä* 'некое заразное заболевание, вызванное согласно мифологическим представлениям карелов скрывающимися в природе злыми силами'). В диалектах карельского языка лемма *nenä* полисемантическая: 1) нос (часть лица, морды) [17, 225; 18, 176]; 2) нос, передняя часть (лодки и т. д.) [17, 225]; 3) носок (обуви, чулка и т. д.); 4) конец, оконечность, нос; 5) (мифол.) некая болезнь, пристававшая от леса, ветра, воды и др. [26, III, 473; 28, 262]. (подробнее о лексеме *nenä* см. [10]). По верованиям карелов, болезнь от могилы была мучительной: «...*kalma on oikein vaikei se soaha, parentoa. Jotta se ku sverlalle vaikuttaa ihmiseh* '...от калмы очень трудно избавиться, вылечить. Потому что это как сверлом протыкает человека' [4, 363]. Симптомами этого заболевания считались холодные ноги, синее лицо, озноб и боль в суставах.

Синонимом именованная *kalmannenä* является мифологема *kalmahine* 'болезнь смерть' (букв.: 'мёртвая / могильная') [26, II, 36], образованная посредством словообразовательного аффикса *-hine*, который сопровождает лексему – «название мифологического существа» или название «мифических и живых существ» (см. также [11, 689]);

– *kalmanviha* [35, 132] (букв.: *kalman* 'смерти / смертельной болезни' + *viha* 'зло'). Карельско-зычный диалектизм *viha* бытует в значениях: 1) хворь (как компонент сложных имён существительных); 2) воспаление, экзема, заражение (в качестве симптома заболевания); 3) зло. Лексема *viha* является исконно прибалтийско-финской [31, 436]. Семантика 'зло' отражает отношение людей к недугу как ко злу, например, кар. *vienviha* букв.: 'зло воды', фин. *raudanviha* букв.: 'зло железа', т. е. в наименованиях болезней отражены анималистические воззрения наших предков об олицетворённых / одушевлённых стихиях. Таким образом, значение 'болезнь' вторично, исходное значение 'зло' развилась в карельском языке в переносное 'хворь' (см. подробнее о лексеме *viha* [9]);

– *kalmanvoima / kalmanväki / kalmanvägi* (ск.) [26, II, 36] (букв.: *kalman* 'смерти / смертельной болезни' + *voima / väki / vägi* 'сила'). *Voima* обозначает в финском и карельском языке 'сила', а *väki / vägi* – 'народ, люди', а также 'сила, мощь, крепость'. Слово *vяki* встречается в таких сочетаниях, как 'церковные вяки', 'кладбищенские вяки', 'вяки мёртвых', причём подразумеваются выступающие большими толпами, маленькие и бесформенные существа. Колдун или знахарь способен овладеть смертной силой, калмой, вяки, мёртвыми [16, 82].

Калевальские карелы верили в существование нескольких видов заболевания *kalma*: *vesikalma* 'водяная калма' (букв.: *vesi* 'вода' + *kalma* 'смерть, смертельная болезнь') (приставала от испуга во время стирки одежды умершего); *ristimätön kalma* 'некрещёная калма' (букв.: *ristimätön* 'некрещённый' + *kalma* 'смерть, смертельная болезнь') (приставала от испуга некрещёного умершего ребёнка).

Представления об этом заболевании были свойственны только для карелов и финнов [16, 80–81], у других прибалтийско-финских народов они не были распространены. Что касается карельского народа, то именованная и верования, связанные с болезнью *kalma / kalmu* были развиты лишь у карелов, проживающих на территории Карелии. У тихвинских (Ленинградская область) и тверских (Московская область) карелов их не удалось зафиксировать, т. к., вероятно, они оказались утраченными. Болезнь *kalma* считалась серьёзной: *voimatta rod'ivuin kalmannenä on, etko kuole, etko elä* 'я был без сил, когда болел смертью, ты и не умираешь, и не живёшь'

[26, II, 36; 34, 223]. Человек мог заболеть ею, если испугается мёртвого или окажется в месте, где находятся похоронные атрибуты. Причина появления заболевания крылась в непочтительном отношении к умершим, на что указывают некоторые поверья: проходя мимо кладбища, необходимо было обязательно перекреститься; испуг покойников считался их оскорблением и др. Также считалось, что *kalma* могла пристать, если выбрасывали гробовую доску [33, 140]; ругались матом на кладбище, вспоминали усопшего плохим словом [15, 50]; надругались над могилой [7, 239]; смеялись, шумели, ругались на кладбище [4, 227]. Причиной заболевания этим недугом крылось и в условном соприкосновении с миром мёртвых. Так, например, олонечские карелы верили, что человек мог заболеть этим недугом, если он, идя по кладбищу, увязал в земле ногами [25, 7].

Обсуждение и заключение

Итак, полисемантическая лексема *kalmu* / *kalma* / *kalm* бытует во всех наречиях карельского языка с семантикой: могила; кладбище; смерть / смертельная болезнь; болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища; кладбищенские вяки, вяки мёртвых. Этимологи предполагают, что анализируемое именование с семантикой ‘могила’ функционирует во всех прибалтийско-финских языках: (вод.) *kalma*, (вепс.) *kaum*, (эст.) *kalm*, (лив.) *kalma* (ср. также (морд.) *kalmo* ‘могила’), что указывает на её прибалтийско-финское наследие. Однако некоторые указывают на вероятность германского заимствования (ср. **skalman-*, *schelme* ‘смерть, чума, труп, умерший’). Первичное значение ‘могила’ активно используется в лексике, номинирующей атрибуты похоронной обрядности в составе сложных именовании (напр. *kalmahauta* / *kalmahauda*, *kalmalauta* / *kalmalauda* и др.). От производящей основы рассматриваемой лем-

мы *kalma-* с помощью различных суффиксов образован достаточно обширный ряд именовании с семантикой ‘кладбище, покойник’ (напр., *kalmoi*, *kalmisoma* / *kalmažima* / *kalmožimo*, *kalmalain'i* / *kalmalaine* и др.). Производные от основы *kalma-* наименования, обозначающие ‘кладбище’, при образовании народной географической терминологии разных говоров карельского языка (напр., гора *Kalmismuantermä*, кладбище *Kalminiemi*, мыс *Kalmismuanniemi*, пролив *Kalmismuanšalmi* и др.). Лексемы *kalma*, *kalmoi* с семантикой ‘кладбище’ являются компонентами ряда сложных и деноминальных именовании, номинирующих термины, связанные с собственно погребальной обрядностью (напр., *kalmoimuahud*, *kalmoipiirai* / *kalmoipiiroa*). Примечательно, что в значении лексемы *kalma* ‘кладбище’ определяется метонимия (синекдоха), перенос части (*kalma* ‘могила’) на целое (*kalma* ‘кладбище’). В семантике леммы *kalma* / *kalmu* ‘болезнь, которая по поверью приставала от покойника или кладбища; смертельная болезнь’ представляется возможным выявить одну из разновидностей метафоры: олицетворение / персонификацию недуга. Данное наименование является композитом двухсоставных лексем, обозначающих различные мифологические заболевания, которые, согласно верованиям карелов, насылались на человека силами смерти, а также используется для номинации этих сил (напр., *kalmanviga*, *kalmannenä* и др.).

Семантико-типологический анализ показал, что лемма *kalmu* / *kalma* / *kalm* с семантикой ‘могила / кладбище’ распространена во всех прибалтийско-финских языках, широко функционируя в языковой картине мира народов этой уральской подгруппы. Что касается болезни *kalma*, то представления об этом заболевании были свойственны только для карелов и финнов, у других прибалтийско-финских народов они не были распространены.

Список сокращений

вепс. – вепсский язык, вод. – водский язык, кар. – карельский язык, лив. – ливский язык, ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, люд. – людиковское наречие карельского языка, морд. – мордовский язык, ск. – собственно карельское наречие карельского языка, фин. – финский язык, эст. – эстонский язык.

Список источников и литературы

1. Бикмухаметова Р. М. Языковые образы концепта «смерть» в картине мира разноструктурных языков (на материале русского и башкирского языков) // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12022&ysclid=m63ofq37a0672136250> (дата обращения: 24.01.2024).

2. Даншова О. Н. Древние обряды, обычаи и поверья карелов // Аланго – Алоньсь – Олоньсь – Олонец: сборник научных статей. Олонец: Спектр, 1999. Вып. 1. С. 39–50.
3. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. Ч. I. 557 с.
4. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
5. Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. 272 с.
6. Лаппо М. А., Путилина Т. Г. Оценка в семантике лексем «жизнь» и «смерть» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3126–3131.
7. Логмозерские дневники студентов-этнографов, июнь 1930 года: Сборник документов / науч. ред. Ю. В. Литвин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. 385 с.
8. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Диалектизмы «hiimosti» и «хими(о)стить» в карельском и русском языках: сравнительно-типологический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. Вып. 2. С. 212–220.
9. Пашкова Т. В. Лексема viha в карельских народных названиях болезней // Linguistica Uralica, 2019. Т. 55. № 1. С. 22–25.
10. Пашкова Т. В. Народные названия болезней с компонентом пенä 'нос' в карельском этноязыковом пространстве // Linguistica Uralica, 2024. Т. 60. № 3. С. 161–168.
11. Пашкова Т. В. Об именовании водяного в карельском языке: семантико-этимологический аспект // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 687–694.
12. Пашкова Т. В. Религиозно-мифологические представления карелов о заболевании kalma // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 100–102.
13. Петрухин В. Карело-финские мифы. От «Калевалы» и птицы-демиурга до чуди и саамов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 240 с.
14. Писаренко Д. А. Синонимические корреляции лексемы смерть в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2020. № 2. С. 296–299.
15. Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.
16. Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / пер. с нем. Н. А. Прушинской. Петрозаводск: Карелия, 1991. 209 с.
17. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
18. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
19. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: Книгоград, 2009. 752 с.
20. Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.
21. Ahtia E. V. Karjalan kielioppi II. Johto-oppi. Koriyyvä: KSS, 2014. 113 p.
22. Astedt K. Mytologisista nenä – yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. № 40. Porvoo; Helsinki, 1960. Pp. 307–322.
23. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1979. 633 p.
24. Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 p.
25. Kansanomainen lääkintätietous / Toim. Hako M. Helsinki: SKS, 1957. 255 p.
26. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, II, 1974. 591 s.; III, 1983. 584; VI, 2005. 782 p.
27. Kolosova V., Pashkova T., Muslimov M., Sõukand R. Historical Review of Ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers // Journal of Ethnopharmacology, 2022. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jep.2021.114565> (дата обращения: 7.12.2024).
28. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 p.
29. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. 186 p.
30. Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallinna: Gaudeamus, 2016. 432 p.
31. Suomen sanojen alkuperä / Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS. Vol. I. 1992. 486 p., Vol. III. 2000. 478 p.
32. Zaikov P. Vienankarjalan kielioppi. Helsinki: KSS, 2013. 284 p.
33. Virtaranta P. Polku sammui. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 p.
34. Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 p.
35. Vuorela T. Kansanperinteen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 p.

References

1. Bikmukhametova R. M. *Yazykovyye obrazy kontsepta “smert” v kartine mira raznostrukturnykh yazykov (na materiale russkogo i bashkirskogo yazykov)* [Linguistic images of the concept of “death” in the world picture of languages of different structures (based on the material of the Russian and Bashkir languages)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2014, no. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12022&ysclid=m63ofq37ao672136250> (accessed January 24, 2024). (In Russian)

2. Danshova O. N. *Drevniye obryady, obychai i pover'ya karelov* [Ancient rites, customs and beliefs of the Karelians]. *Alango – Alon's' – Olon's' – Olonets: sbornik nauchnykh statey* [Alango – Alon's' – Olon's' – Olonets: collection of scientific articles]. Olonets: Spectr Publ., 1999. Vol. 1. Pp. 39–50. (In Russian)
3. Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoy mifologicheskoy prozy: issledovaniya i teksty bylichek, byval'shchin, poveriy i verovaniy karelov* [Characters of Karelian mythological prose: research and texts of tales, byvalschina, superstitions and beliefs of the Karelians]. Moscow: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2012. Part 1. 557 p. (In Russian, Karelian)
4. Ivanova L. I. *Karel'skaya banya: obryady, verovaniya, narodnaya meditsina i dukhi-khozyayeva* [Karelian bath: rituals, beliefs, folk medicine and spirit masters]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2016. 408 p. (In Russian, Karelian)
5. Kuzmin D. V. *Slovar' karel'skoy narodnoy geograficheskoy terminologii* [Dictionary of Karelian folk geographical terminology]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2020. 272 p. (In Russian, Karelian)
6. Lappo M. A., Putilina T. G. *Otsenka v semantike leksem "zhizn'" i "smert'"* [Evaluation in the semantics of the lexemes "life" and "death"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2023, no. 16 (10), pp. 3126–3131. (In Russian)
7. *Logmozerskiye dnevniki studentov-etnografov, iyun' 1930 goda: Sbornik dokumentov* [Logmozero diaries of students-ethnographers, June 1930: Collection of documents]. Ed. Yu. V. Litvin. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2022. 385 p. (In Russian)
8. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *Dialektizmy "hiimosti" i "khimi(o)stit'" v karel'skom i russkom yazykakh: sravnitel'no-tipologicheskiiy aspekt* [Dialectisms "hiimosti" and "khimi(o)stit'" in the Karelian and Russian languages: comparative typological aspect]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2023, no. 17 (2), pp. 212–220. (In Russian)
9. Pashkova T. V. *Leksema viha v karel'skikh narodnykh nazvaniyakh bolezney* [Lexeme viha in Karelian folk names of diseases]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2019, no. 55 (1), pp. 22–25. (In Russian)
10. Pashkova T. V. *Narodnyye nazvaniya bolezney s komponentom nena 'nos' v karel'skom etnolingvistikom prostranstve* [Popular names of diseases with the component nena 'nose' in the Karelian ethnolinguistic space]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2024, no. 60 (3), pp. 161–168. (In Russian)
11. Pashkova T. V. *Ob imenovaniyakh vodyanogo v karel'skom yazyke: semantiko-etimologicheskiiy aspekt* [About the names of a water spirit in the Karelian language: semantic and etymological aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (4/59), pp. 687–694. (In Russian)
12. Pashkova T. V. *Religiozno-mifologicheskiiye predstavleniya karelov o zabolevanii kalma* [Religious and mythological ideas of the Karelians about the disease kalma]. *Uchonyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Petrozavodsk State University], 2019, no. 4 (181), pp. 100–102. (In Russian)
13. Petrukhin V. *Karelo-finskiye mify. Ot "Kalevaly" i ptitsy-demiurga do chudi i saamov* [Karelian-Finnish myths. From "Kalevala" and the demiurge bird to Chud and the Sami peoples]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2023. 240 p. (In Russian)
14. Pisarenko D. A. *Sinonimicheskiye korrelyatsii leksemy smert' v sovremennom russkom yazyke* [Synonymous correlations of the lexeme death in the modern Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2020, no. 2, pp. 296–299. (In Russian)
15. *Povenetskiye korely. Ikh domashniy i obshchestvennyy byt, pover'ya i predaniya* [Povenets Karelians. Their domestic and social life, beliefs and legends]. *Olonetskiye gubernskiiye vedomosti* [Olonets provincial news], 1863, no. 14, p. 50. (In Russian)
16. Simonsuuri L. *Ukazatel' tipov i motivov finskikh mifologicheskikh rasskazov* [Index of types and motifs of Finnish mythological stories]. Translated from the German by N. A. Prushinskaya. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1991. 209 p. (In Russian)
17. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvi dialect)]. Comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian, Karelian)
18. *Slovar' karel'skogo yazyka (tverskiye govory)* [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Comp. A. V. Punzhina. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 396 p. (In Russian, Karelian)
19. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the proper Karelian dialects of Karelia]. Comp. V. P. Fedotova, T. P. Boyko. Petrozavodsk: KnigoGrad Publ., 2009. 752 p. (In Russian, Karelian)
20. Stepanova A.S. *Tolkovyy slovar' yazyka karel'skikh narechiy* [Explanatory dictionary of the language of the Karelian adverbs]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2004. 304 p. (In Russian, Karelian)
21. Ahtia E. V. *Karjalan kielioppi II. Johto-oppi*. Kopyjyvä: KSS, 2014. 113 p. (In Karelian)
22. Astedt K. *Mytologisista nenä – yhdynnäisistä. Kalevalaseuran vuosikirja*, 1960, no. 40, pp. 307–322. (In Finnish, Karelian)
23. Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1979. 633 p. (In Finnish)
24. Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 p. (In Finnish)
25. *Kansanomainen lääkintätietous*. Toim. Hako M. Helsinki: SKS, 1957. 255 p. (In Finnish, Karelian)
26. *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 1974. II. 591 p.; III. 1983. 584 p.; VI. 2005. 782 p. (In Finnish, Karelian)

27. Kolosova V., Pashkova T., Muslimov M., Sõukand R. Historical Review of Ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers. *Journal of Ethnopharmacology*, 2022. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jep.2021.114565> (accessed December 7, 2024). (In English, Karelian)
28. Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: SUS, 1944. 543 p. (In Finnish, Karelian)
29. Paulaharju S. *Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia*. Porvoo: WSO, 1924. 186 p. (In Finnish, Karelian)
30. Pulkkinen R., Lindfors S. *Suomalaisen kansanuskon sanakirja*. Tallinna: Gaudeamus, 2016. 432 p. (In Finnish)
31. *Suomen sanojen alkuperä*. Päätoim. E. Itkonen, U-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992. Vol. I. 486 p.; 2000. Vol. III. 478 p. (In Finnish)
32. Zaikov P. *Vienankarjalan kielioppi*. Helsinki: KSS, 2013. 284 p. (In Finnish, Karelian)
33. Virtaranta P. *Polku sammui*. Vammala: Vammalan Kirjapaino OY, 1972. 263 p. (In Finnish, Karelian)
34. Virtaranta P. *Vienan kansa muistelee*. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 p. (In Finnish, Karelian)
35. Vuorela T. *Kansanperinteen sanakirja*. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 543 p. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), кандидат филологических наук, доктор исторических наук, доцент.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHOR

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Head of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic Karelia, Petrozavodsk, Lenin Str., 33), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0505-4767